

Колесникова Елена Александровна

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (КОНЕЦ XVIII - НАЧАЛО XX ВВ.)

Статья посвящена малоисследованному периоду развития русской грамматической терминологии. В работе рассмотрены системные отношения в сфере русской лингвистической терминологии, а также причины их возникновения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 144-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (КОНЕЦ XVIII - НАЧАЛО XX ВВ.)

Колесникова Елена Александровна

*Кафедра русского языка
Институт филологии и языковой коммуникации
Сибирский федеральный университет
lena_kolesnikova@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена малоисследованному периоду развития русской грамматической терминологии. В работе рассмотрены системные отношения в сфере русской лингвистической терминологии, а также причины их возникновения.

Ключевые слова и фразы: лингвистическая терминология; синонимия; полисемия; омонимия; амбисемия в сфере русской лингвистической терминологии.

О. С. Ахманова как-то заметила, что «возникновение терминологии вообще возможно лишь тогда, когда наука достигла достаточно высокой степени развития, т.е. термин возникает тогда, когда понятие в науке настолько развилось и оформилось, что ему можно присвоить совершенно определенное научное выражение» [Ахманова, с. 509].

Изучению вопросов лингвистической терминологии ранних восточнославянских грамматик, а также грамматик собственно русской эпохи Средневековья посвящен ряд серьезных исследований. О проблеме образования первых русских лингвистических терминов писали Б. А. Успенский (1958), П. С. Кузнецов (1958), В. В. Щулин, В. И. Медведева (1965), Р. М. Трифонова (1967), Ф. М. Березин (1979), В. В. Колесов (1981, 1991), Н. Б. Мечковская (1984). Дальнейшему же развитию русской лингвистической терминологии уделено исследователями мало внимания. Наша статья - попытка заполнить эту лауну.

Как известно, первые грамматические сведения славяне почерпнули из греческих руководств в эпоху переводов на старославянский язык служебной, четьей и патристической литературы.

Существует мнение, согласно которому «языкознание в Древней Руси, как и следовало ожидать, носило вполне определенный подражательный характер» [Булич, с. 149]. С. К. Булич говорит о бессмысленных компиляциях ненаправленного характера. Первые грамматические сочинения, по мнению Р. М. Трифоновой, можно рассматривать «как первый и очень несовершенный опыт наложения типологических схем одного языка (греческого или латинского) на другой родственный язык (славянский), в результате чего зародилась славянская грамматика и грамматическая терминология» [Трифонова, с. 6-9]. Почти все термины первых грамматик представляют собой кальки (словообразовательные, семантические, фразеологические) соответствующих греческих и латинских терминов. Такой перенос терминов из греческих и латинских грамматик в славянские классифицировался А. Д. Вейсманом и В. К. Поржезинским как совершенно рабский и механический. Это в известной степени, по мнению Р. М. Трифоновой, правильно, так как переводчики и составители первых грамматик совершенно не пытались в терминах отразить специфические свойства славянского языка. Наши первые грамматисты, с одной стороны, вводили под влиянием античной грамматики такие категории, которые совершенно не свойственны славянскому грамматическому строю, с другой стороны, у них отсутствовали некоторые весьма важные категории только потому, что их не было в латинском и греческом языках [Кузнецов, с. 14]. Калькирование терминов отражало стремление переводчиков и создателей грамматик сделать термин мотивированным, понятным благодаря соотносительности со словами родного языка. Поскольку сам перевод был слишком буквальным, а иногда неточным, то в результате калькирования часто создавались слова, имеющие внешне славянский облик, но столь же не мотивированные, как и греко-латинские термины. Поэтому некоторые грамматические термины при своем появлении уже не были мотивированными («залог», «изложение», «супружество»). Процесс развития терминологии в первых грамматиках, по мнению ряда исследователей, проявляется как чисто количественное накопление терминов.

Однако В. В. Колесов, ссылаясь на современные исследования, опровергает «эту механистическую, весьма поверхностную, основанную на формальных предпосылках концепцию развития древнерусских лингвистических знаний». Исследования, о которых говорит В. В. Колесов, «включают развитие русской грамматической мысли в общую цепь развития идеологических, политических и культурных знаний Средневековья, эпоху становления и расцвета Московского государства, т.е. делают ее фактом собственно русской культуры, несмотря на несомненно южнославянский источник - грамматику «О осмихъ частехъ слова» [Колесов, 1991, с. 212]. Исследователь так оценил положение дел в науке о языке в Средние века: «отсутствие отработанной лингвистической терминологии соответствует уровню развития науки в Средние века. Многие понятия воспринимались еще крайне расплывчато, грамматические категории осознавались в синкретизме основных их значений. Выделение отдельных лингвистических единиц часто производилось по случайным, внешним признакам, носило конкретно-чувственный характер, что косвенным образом указывает на полное отсутствие абстрактных, научных, собственно лингвистических представлений об объекте языкознания. Од-

ни и те же представления развились в грамматике и логике, эти источники были разного происхождения и при том часто переводились не на Руси. Поэтому терминология оказалась не выдержанной последовательно, она еще не устоялась. Широко представлены термины-дублиеты... Не отработаны понятия, связанные с основными глагольными категориями (залог, время, наклонение), потому что компиляция «О осмихъ частехъ слова» составлена в то время, когда южнославянский книжник, переведивший греческий текст, мог еще соотнести греческие категории языка с архаическими формами своего родного языка, особенно в его церковнославянском варианте... Компилятивный характер сочинения, а вовсе не его зависимость от греческого источника объясняет неопределенность и неустойчивость его терминологии...» [Там же, с. 236].

Дело осложнялось также абстрактностью грамматического значения. «Если содержание отдельного лексического значения в целом может быть истолковано с помощью синонимов, то для грамматического значения, - пишет Н. Б. Мечковская, - этот путь, как правило, не годится». Для грамматического значения зачастую не находилось лексических синонимов или достаточно близких аналогов [Мечковская, с. 92].

Реформы, проводимые в России в конце XV - начале XVI вв., преследовали цели демократизации литературного языка, устранение устаревшего церковнославянского языка. Неудивительна в таких условиях ориентация на разговорную речь, на фонетические аспекты языка в связи с орфографией письменного текста. Именно в это время была разработана система фонетической терминологии, классификации звуков, осмыслены физиологические основы произношения и т.п. В этот же период завершилась эпоха синтеза двух грамматических традиций, греческой и латинской. Однако об окончательном отходе от античной традиции печатных грамматик говорить еще рано. Так, Лаврентий Зизаний полностью ориентирован на греческую традицию; Мелетий Смотрицкий, положив в основу своей грамматики латинскую традицию, все-таки не смог еще оторваться от греческой традиции.

Основные линии развития грамматической мысли в России XVII - начала XVIII вв. полностью соответствуют аналогичному развитию грамматических представлений того же времени на Западе. К концу XVII в. уже сложилось полное представление о языке, его функциях, его категориях и были выработаны самые первые, пока еще чисто терминологические, понятия и определения [Колесов, 1991, с. 254].

По мнению В. В. Колесова, «русские книжники в процессе многолетнего коллективного труда смогли выбрать то, что полнее соответствовало грамматической системе их собственного языка и, в конце концов, завершить создание новой грамматической системы русского языка в теоретическом и прикладном значении (в начале XVIII в.)» [Там же, с. 222]. Уже к началу XVIII в. сложились все условия для создания синтетического труда по русской грамматике.

Конец XVIII - начало XX века - это период становления русской лингвистической терминологии как системы. Терминология этого периода характеризуется рядом лексико-семантических особенностей.

Одним из распространенных системных отношений в сфере русской лингвистической терминологии конца XVIII - первой трети XX вв. была синонимия. Синонимия в терминоведении рассматривается как один из видов несоответствия терминов и понятий, наряду с омонимией и многозначностью - как избыточность средств формального выражения понятия.

Причины распространения синонимии, на наш взгляд, обусловлены, во-первых, влиянием античной традиции на современное учение о языке, что влечет за собой активное употребление греческих или латинских терминов. В то же время в языке наблюдался процесс иной направленности - демократизация языка, отказ от заимствований. Уже с середины XVIII в. растет протест против механического заимствования. Начинается борьба с заимствованиями ради национальных форм литературного выражения. Во-вторых, синонимия была обусловлена существованием терминов с различной степенью мотивированности. На протяжении всего исследуемого этапа наблюдается тенденция замены менее мотивированного термина более мотивированным. В-третьих, синонимия во многом обусловлена сложностью, многогранностью грамматических понятий. Исследователи языка выделяли различные признаки, выступающие основой наименования какого-либо понятия.

Таким образом, синонимические ряды составляют термины, с одной стороны, заимствованные из латинского или греческого языков, с другой, - термины национального русского языка с различной степенью мотивированности, а также термины, называющие различные признаки сложного грамматического понятия.

Так, синонимами являются термины *азбука* (гражданская азбука) и *печать* (гражданская печать). Слово *азбука* (др.-русс. азбуки) известно с XIII в. и было образовано по образцу греческого $\alpha\lambda\beta\beta\eta\tau\omicron\varsigma$ по названиям первых букв старославянской азбуки: «азь» - «а» и «беуки» - «б», причем сначала азбуки глаголической, а не кириллицы. Слово *печать*, в «Словаре...» И. И. Срезневского, определенное как знак, отпечаток или изображение, в отечественных же грамматиках определялось как совокупность расположенных в определенном порядке графических знаков (букв), используемых для фиксации и передачи на письме языка.

Синонимами выступают термины *буква* и *письмена*. Первоначально «буква» (ст. сл. боуки) было названием буквы кириллического алфавита. Это слово, по-видимому, было заимствовано из готского (ср. гот. $b\ddot{u}ka$ - «буква»). Из старославянского языка это слово попало в древнерусский, а затем уже и в русский язык. Слово *письмена* еще в древнерусском языке определялось в одном из своих значений как «буква, ви́шній смыслъ въ противоположность духу», «изображение» [Срезневский, т. 2, ч. 2, с. 939]. Однако сам термин *буква* в рассматриваемых грамматических трудах не имел четко определенного значения. Под термином *буква* понимался 1) графический знак, служащий для передачи на письме неразделимой части слова, звука (М. В. Ломоносов, В. П. Светов, Н. И. Греч, А. А. Барсов, А. Х. Востоков, В. Половцов, Г. П. Павский, В. А.

Богородицкий); 2) разделяемая часть слова (Н. Г. Курганов); 3) составная часть звука (Г. П. Павский), 4) единение органического и неорганического звуков (К. С. Аксаков).

Синонимичными являются термины *гласная буква - самогласная буква*. К самогласным буквам относятся *a, e, и, o, у, ы, ѣ, ю, я* и называются они так, потому что произносятся *самостоятельно, без помощи других букв*. Этот термин встречается в грамматических трудах М. В. Ломоносова, В. П. Светова, Н. Г. Курганова, А. А. Барсова. Термин *гласная буква наряду* с термином *самогласная буква* встречается в «Грамматике...» А. А. Барсова. В дальнейшем термин *гласная буква* вошел в активное употребление.

У К. С. Аксакова встречаются термины *внутренний звук* и *органический звук*. Здесь следует обратить внимание на то, что долгое время (вплоть до второй половины XIX в.) понятия *звука* и *буквы* разводились нечетко. Причина введения в обиход новых терминов (*внутренний* и *органический звуки*), на наш взгляд, состоит в попытке выделения нового основания для классификации - элементы, участвующие в образовании звуков (букв) (голос - органический элемент). На этом же основании согласные звуки К. С. Аксаковым названы *внешними*, или *неорганическими*. В их образовании участвует та часть *неорганического вещества*, через которую проходит голос (гортань, нёбо, язык, зубы, губы). «*Въ природѣ видимъ мы два рода звука: внешний и внутренний, неорганической и органической, другими словами: стукъ и голосъ. Звукъ внешний, неорганической, сопровождаетъ всю природу, на всѣхъ ея ступеняхъ, даже и тамъ, гдѣ уже являться звукъ органической, голосъ: потому-что въ органическомъ существѣ всегда есть неорганической элементъ, наружная масса, - другими словами, всегда есть внѣшнее...*» [Аксаков, с. 8].

В. А. Богородицкий с анатомо-физиологической точки зрения звуки разделил на *открытые (гласные)* и *суженные (согласные)*. «*Обыкновенно звуки рѣчи дѣлятся прежде всего на гласные (а, ё, е, и, о, у, ы) и согласные (остальные). Но это дѣленіе акустическое, которому соответствуетъ съ принятой нами точки зрѣнія анатомо-физиологической дѣленіе звуковъ на открытые и суженные. Мы будемъ классифицировать звуки въ порядкѣ части говорильнаго аппарата, начавши съ дѣятельности органа дыханія*» [Богородицкий, с. 42].

Примером синонимии терминов, обусловленной выделением различных аспектов рассмотрения грамматического понятия, являются термины *взрывной согласный - мгновенный согласный*. Звуки *к, г, т* исходя из артикуляционного аспекта называются *взрывными*, исходя из акустического - *мгновенными*. То же касается терминов *фрикативный согласный - длительный шумный согласный - спирант*. С артикуляционной точки зрения звуки, возникающие в результате трения выдыхаемого воздуха через щель в полости рта, получили название *фрикативные звуки* (фр. *fricative*, от лат. *fricare* - тереть). Это основание позволило В. А. Богородицкому назвать такие звуки *придувными*. При их произнесении «*...воздухъ выдувается (продувается черезъ суженіе между языкомъ и нѣбомъ. Отсюда такіе согласные...называются... придувными*» [Там же, с. 56]. С акустической точки зрения, такие звуки могут быть названы *длительными* или *спирантами (spirans, -ntis)*, что в переводе с латинского означает «*дующий, выдыхающий*». Заметим, что в греческом языке согласные звуки по характеру звучания также подразделялись на *немые*, или *мгновенные* (которые не могут быть произнесены без помощи какого-либо гласного звука) и *звучные*, или *длительные* (произносимые и без помощи гласного).

Образование синонимического ряда *шумный задненебный согласный - шумный заднеязычный согласный - шумный велярный согласный* обусловлено, с одной стороны, выдвиганием на первый план разных признаков, положенных в основу наименования, а именно: участие активных (заднеязычный согласный) или пассивных (задненебный согласный) органов речи; с другой же термин шумный велярный согласный - это перевод соответствующего латинского термина *velum palati*. «*Шумные задненебные, заднеязычные образуются при сближении (согласные фрикативные) или при полном соприкосновении (согласные взрывные) заднего мягкого неба и задней доли спинки языка. Эти согласные называются также шумными велярными (от лат. velum palati)*» [Фортунатов, с. 91].

Падежная терминология является примером синонимии метаязыка грамматики исследуемого периода. В ряды синонимов вступают как русские термины с различной степенью мотивированности, признаками, положенными в основу наименования, так и термины, переведенные с греческого и латинского языков.

Так, *прямой падеж* (лат. *gestus* - прямой) рассматривается как исходная форма, по отношению к которой другие падежи являются производными. Отсюда прямой падеж называется *неизменяющимся падежом*. Прямой (неизменяющийся) падеж противопоставлен *падежу косвенному*, или *относительному* (так называют форму падежа, соотношенную с формой, принятой за отправную точку). *Именительный падеж (nominativus)* является, наряду со *звательным падежом, прямым*. Античные грамматики рассматривали *именительный падеж* как основной, по отношению к которому другие падежи представляли собой отклонения; отсюда наименование *прямой падеж*. В работе Л. Г. Якоба *именительный падеж* назван также *подлежательным*, т.к. он является падежом подлежащего. К. С. Аксаков назвал этот падеж *непосредственным*. «*...предметъ самъ по себѣ выражается въ Имени естественномъ его, прямымъ окончаніемъ. Этотъ падежъ Именительный, который можетъ быть названъ Непосредственный*» [Аксаков, с. 80]. А. А. Барсов, называя *именительный падеж, управляющим* или *предыдущим падежом*, обращается к синтаксическому аспекту. Подлежащее в форме именительного падежа в предложении предшествует сказуемому, выраженному глаголом и являющимся при этом зависимым от подлежащего.

Дательный падеж, также выделенный еще в античных грамматиках и описанный как падеж, указывающий на предоставление или предназначение, в отечественных грамматиках получил имя *присутственного*

падежа. Благодаря этому падежу, слово приобретает значение присутствия, участия в деле. «Объект переходит в состояние непрямого объективирования; это состояние прикосновенного присутствия предмета, участия его в дѣлѣ. Здѣсь даже определяется предметъ, но косвенно. - Это падежь Дательный или Причастственный» [Там же, с. 81].

Винительный падеж рассматривался древнегреческими грамматиками как форма, указывающая на конечную цель или результат действия (aitiatikos - производное от греческого причастия aitiatos, точное значение которого «вызванный, обусловленный»); его название на основе сближения с глаголом aitiaomai «обвиняю» было переведено на латинский язык посредством accusatives [Марузо, с. 53]. В качестве синонима в российских грамматиках употреблен термин *объективный падеж*, указывающий на то, что предмет из самостоятельного состояния переходит в противоположное, объективизируется.

Многочленным является синонимический ряд терминов, называющих понятие *творительного падежа*. Форма падежа со значением орудия, средства или способа совершения действия выражается в терминах *винословный, инструментальный, обстоятельный, деятельный, производительный падежи*. В таком падеже существительное представлено как причина, орудие, либо как обстоятельство его существования.

Термины, составляющие ряд синонимов *сказательный - предложный - местный падеж*, обладают прозрачной мотивированностью. Так, *сказательный падеж* - это форма падежа, обозначающая тот предмет, о котором что-либо «сказывается», *предложный падеж* представляет собой такую форму, которая употребляется только с предлогом, наконец, *местный падеж* обозначает место.

Менее распространенными отношениями в сфере русской лингвистической терминологии являются полисемия и омонимия. Причиной многозначности стали, на наш взгляд, малоразработанность лингвистических понятий и попытка исследователей осветить эти понятия, выделяя разнообразные аспекты их рассмотрения.

Так, многозначным был термин *буква*, употреблявшийся в нескольких значениях. Под *буквой* в отечественных грамматиках понимали 1) графический знак, служащий для передачи на письме звука (*неразделимой части слова*); 2) составную часть слова; 3) собственно звук. Соответственно несколько значений имел и термин *звук* (*членобразный, членораздельный звук*). Изначально в наших грамматиках не были четко разведены понятия *звук* и *буква*, поэтому в одном из своих значений *звук* выступает в значении *буквы*. Ф. Ф. Fortunatov употребляет термин *звуковой комплекс*, определяя его как знак для выражения чувствований: «*Звуки речи или звуковые комплексы... становятся знаками языка, именно знаками для выражения чувствований... Эти знаки, образующие видоизменения знаков языка в речи, представляют собою, следовательно, сами знаки речи, как произнесения знаков языка*» [Фортунатов, с. 122]. По мнению же А. А. Потебни, *звук* - это не знак, а лишь форма знака: «...звук в слове не есть знак, а лишь оболочка, или форма знака; это т. ск. знак знака» [Потебня, с. 17]. И. А. Бодуэн де Куртенэ определяет *звук* как антропофонически неделимую величину, Н. В. Крушевский - как акустически неделимую величину, физиологически представляющую собой совокупность разнообразных, но координированных работ.

По мнению В. А. Богородицкого, *звук* - это колебание воздуха. С точки зрения *анатомофизической*, *звук* - это комплекс мышечных работ *говорильного аппарата*, возбуждаемых импульсами головного мозга; с точки зрения звукоощущения - слуховое представление.

Таким образом, можно предположить, что причина многозначности термина *звук* кроется в развитии фонетических представлений о звуке и лингвистической мысли вообще; в различных подходах к рассмотрению уже существующего понятия.

Примером многозначности является также термин *согласная буква*, рассматриваемый, с одной стороны, как буква, произносимая с помощью *гласной буквы*; с другой, - как гласный звук, в процессе выговора претерпевающий изменение под влиянием произносительных органов. «*Гласный звукъ, проходя ртомъ, изменяется посредствомъ... органовъ, дающихъ ему определенннй образъ. Сіе измененіе гласной буквы органа рта выражается согласными буквами*» [Греч, с. 59].

Несколько значений имеет термин *двоегласная гласная буква*. С одной стороны, это буква, представляющая собой сочетание *иже краткого с самогласной*, перед которой находится *согласная буква*. К *двоегласным* относятся ай, эй, <ѣй> ый, ой, уй, яй, ій, юй, іщю. Однако, по мнению Г. П. Павского, данное понятие не свойственно русскому языку, и термин *двоегласная буква* был введен в российскую грамматику под влиянием античной традиции. «*Гласныя, сочетавшіеся съ тонкимъ придыханіемъ Й весьма несправедлива у насъ называютъ двугласной буквой. Ошибка произошла отъ того, что Й сочли за гласную букву, тогда какъ она есть придыханіе подобное латинскимъ буквамъ h, j. Латинские слоги ah, oh, въ словахъ vah, proh, неужели двоегласные?... У нихъ, какъ и у Грековъ, двугласной называются такіе буквы, въ которыхъ слились двѣ гласныя для составленія одного звука... И такъ лучше сказать, что нашъ языкъ не имѣетъ двугласныхъ букв, въ которыхъ бы двѣ гласныя давали одинъ звукъ, какъ и Грековъ*» [Павский, с. 53-54]. С другой стороны, *двоегласная буква* представляет собой соединение двух *гласных звуков*, произносимых одним и тем же *дыханием*. И в таком случае к *двогласным* относятся я, ѣ, е, ю, ы.

К многозначным терминам относится *просодия*, определяемая, во-первых, как учение об ударении; во-вторых, как учение о строчных и надстрочных знаках; в-третьей, как общее название строчных и надстрочных знаков. Здесь же следует сказать о термине *грамматика*, который определялся как правила употребления языка: правила составления, изменения слов и соединение их предложения и периоды, с одной стороны, как книга, содержащая правила употребления языка, - с другой.

Термины *просодия*, *грамматика* являются примерами категориальной многозначности, распространенной не только в лингвистической науке прошлых эпох, но и современном учении о языке.

Меньшим количеством примеров представлена омонимия в сфере изучаемой терминологии. Так, примером омонимии являются термины *ударение¹* и *ударение²*.

Ударение¹ - выделение одного или двух *складов* в слове повышением голоса. «Разностию возвышения и унижения составляется ударение, когда в речении один склад или два выше других голосов восходят. Например: Земля дневною теплотою нагрѣвается: мля, дне, то, ва, суть склады повышенные или имеющие на себе ударение...» [Ломоносов, с. 404]. Н. Г. Курганов определил *ударение* как средство различения слов одного буквенного (звукового) состава с различным (лексическим) значением через повышение или понижение голоса на каком-либо слоге. А. А. Барсов, определяя *ударение* как выделение слога в слове через *повышение* или *понижение* голоса, замечает, что ударение ставится над основанием слога - гласной буквой, которая выделяет ударный слог на фоне остальных слогов слова. По Н. И. Гречу, *ударение* - средство соединения слогов в слове «...буквы соединяются для составления слога, однимъ общімъ дыханіемъ; слоги же въ многосложныхъ словахъ совокупаются посредствомъ ударенія» [Греч, с. 90]. П. М. Перевлесский дает более широкое определение понятия *ударение* - как выделение наиболее значимой единицы языка.

Ударение² - состояние частей *говорильного аппарата* при произнесении согласных *б, г, д, к, л, м, н, т, п, ц, ч*. «Ударением или крутым разведением частей органических производятся *б, г (в глазъ), д, к, л, м, н, т, п, ц, ч*» [Ломоносов, с. 401].

В качестве омонимов выступают термины *полугласная буква¹* и *полугласная буква²*. *Полугласная буква¹* - звук, возникающий в гортани и теряющийся до выхода из ротовой полости. К полугласным относятся *ь, ъ*, иногда *й*.

Полугласная буква² - буква, сочетающая в себе свойства гласных букв, согласных и придыханий. «...полугласныя *м, н, р, л* я называю ихъ полугласными потому, что онѣ частію сохраняютъ свойства согласныхъ, частію сближаются съ придыханіями и гласными. Стоя предъ гласными, онѣ сохраняютъ всѣ свойства согласныхъ, а стоя послѣ гласныхъ, онѣ часто измѣняются на придыханія и гласны» [Павский, Рассуждение 1, с. 46].

Термины *знаменательная часть слова¹* и *знаменательная часть слова²* также относятся к явлению омонимии. Термин *знаменательная часть слова¹*, неоднозначный в своем понимании, выступает общим названием для имени и глагола, а также для имени, глагола, местоимения, причастия, наречия, предлога, союза, междометия.

Знаменательные части слова², или *морфологические части*, включают в себя корень, префикс, суффикс, окончание, основа. «...морфологическія, знаменательныя части словъ: корень, префиксъ, суффиксъ, окончаніе, основа» [Богородицкий, с. 219].

Омонимичными являются термины *вид¹* и *вид²*, *вид³*.

Вид¹ - разновидность, тип, составляющий компонент рода. «Все вещи на свете совокупаются в некоторые общества ради взаимного подобия, которое называется одним именем. Например, *орель, ястреб, лебедь*... состоят под единым именем *птица*, что знаменует род, а *орель, ястреб, лебедь*... и другие птицы суть виды. Подобным образом *человѣкъ* есть род, а *воинъ, судья*... суть *виды* и различаются на верхние и нижние» [Ломоносов, с. 498-409]. Вид в таком понимании может быть верхний и нижний. «*Верхние виды* могут быть сами *родами* и заключать в себе *нижние виды*, например: судья в рассуждении человека есть вид, а в рассуждении Якова, Федора, Ивана и прочих имен есть род, ибо судья может быть Иван, Яков, Федор, которые суть виды и называются имена собственные, а прочие виды и роды: *птица, орел*... - суть имена нарицательные» [Там же, с. 409].

Вид² - образование производных слов. «*Видъ или образование именъ производныхъ, существительныхъ и прилагательныхъ. Онѣ происходятъ отъ наибольшей части чрезъ приложеніе окончательныхъ складовъ не имѣющихъ точно опредѣленного знаменованія отъ каковыхъ либо словъ заимствованнаго...*» [Барсов, с. 96].

Наконец, термин *вид³*, впервые подробно рассмотренный Н. И. Гречем, называет форму глагола, в которой выражен характер протекания действия с точки зрения определенности/неопределенности, однократности/многократности, завершенности/незавершенности.

Есть основание полагать, что причина омонимии в сфере лингвистической терминологии заключается в стремлении дать понятию более мотивированное наименование (например, *ударение¹* и *ударение²*, *полугласная буква¹* и *полугласная буква²*). В качестве причины омонимии в сфере терминологии можно назвать столкновение античной и национальной традиций. Например, выделение *вида* («начертания») своими корнями уходит в античное прошлое. Образование же *вида* как грамматической категории восходит к отечественному учению о языке.

Широкое распространение в области лингвистической терминологии получила амбисемия. Амбисемия термина - это его свойство функционировать в языке с разным объемом семантики. Амбисемия может быть вызвана рядом экстралингвистических факторов, таких как использование одного термина разными научными школами, разными учеными, в разные периоды развития науки.

Причина амбисемии русской лингвистической терминологии второй половины XVIII - первой трети XX вв. состоит в формировании многих грамматических понятий, в их малоизученности, рассмотрении понятий с разных точек зрения. В грамматиках наших лингвистов представлены различные точки зрения, позиции, подходы к пониманию грамматических терминов. Зачастую в работах филологов один и тот же термин име-

ет диаметрально противоположные толкования.

Примером амбисемии является термин *слог* (*склад*).

М. В. Ломоносов употребил термин *склад* в значении соединение «*самогласных с согласными буквами. Сложение разделимых частей бывают самогласных с самогласными, например, ай, или самогласных с согласными, как ра. Первого рода сложения обыкновенно называют двугласными, второго - складами, хотя последнее название обоим приличествует*» [Ломоносов, с. 402-403]. В. П. Светов уточняет определение, данное М. В. Ломоносовым: *склад* - соединение *самогласной* с одной или несколькими *согласными буквами*; *слог* также может состоять из *двогласной* или *троегласной*, либо из одной *самогласной*. Н. Г. Курганов, наряду с термином *склад*, употребил термин *слог* в значении сложение двух и более букв. По А. А. Барсову, *склад* может состоять из одной *самогласной буквы*, либо из соединения *самогласной* с другими буквами, произносимого одним *выдыхательным толчком*. Он же впервые предложил классификацию *склада*, выделяя *простой склад* (склад, состоящий из одной *самогласной буквы*); *сложный склад* (склад, состоящий из 1) *двогласной явственной* или *троегласной буквы*; 2) *гласной с предшествующей ей согласной буквой*; 3) *гласной с последующей за ней согласной буквой*; 4) *гласной, находящейся между двумя согласными*; 5) *явственной двогласной*, имеющей перед собой одну или несколько согласных букв; *неполный склад* (склад, состоящий из одной или нескольких согласных букв, произносимых с *еромь* или *еремь*); *естественный склад* (*свойственный склад*) - все простые склады, а также сложные, оканчивающиеся на гласную букву; *художественный склад*, оканчивающийся на двогласную или согласную букву; *произносительный склад* (склад, не выражающий никакой мысли (не имеющий лексического значения)); *знаменательный склад* (склад, выражающий какую-либо мысль (обладающий лексическим значением)).

Н. И. Греч разводит понятия *слога* и *склада*. *Склад*, по Н. И. Гречу, это соединение двух и более согласных (или полугласных) букв. *Слог* же представляет собой соединение гласной буквы с согласной (гласной с согласной и полугласной, гласной с полугласной), произносимое одним *выдыхательным толчком*. Н. И. Греч проводит следующее разделение слогов: *прямой слог*, слог, начинающийся с согласной буквы *обратный слог*, начинающийся с гласной буквы, и заканчивающийся согласной; *средний слог* («*В среднем слоге, гласная заключается между согласными: рот, стот, пест, страст*» [Греч, с. 80]), *долгий слог*, на который падает ударение и *краткий слог*, безударный слог.

Представление о *слоге* как сочетании гласной буквы с согласной или полугласной (придыханием) встречается в работах А. Х. Востокова, Г. П. Павского, И. И. Давыдова.

А. А. Потебня рассматривает *слог* как слово или как часть другого слова. «*Слог сам по себе тоже имеет только искусственное существование; в природе, т.е. в человеческой речи, он существует только как слово, или как часть другого слова, составляющего одно целое, которое и в свою очередь есть только как часть высшего целого, т.е. самой речи*» [Потебня, с. 64-65].

Показательным примером амбисемии является термин *грамматика* (греч. *grammatike (techne)* первоначально - искусство читать и писать буквы). Данный термин определялся (М. В. Ломоносов, В. П. Светов) как правила употребления языка: правила составления, изменения слов и соединения их в предложения и периоды. Н. Г. Курганов, определяя *грамматику* как учение об употреблении и свойствах букв, выделил в ней три части - *произведение слов, сочинение слов и правописание слов*. А. А. Барсов употребил сочетание *российская грамматика* как правила по употреблению русского языка. В то же время термин *грамматика* определен исследователем как книга, содержащая правила употребления языка. В составе *грамматики* А. А. Барсов выделил: *словопроизводство* (учение об образовании и изменении слов), *словоударение* (учение об ударении), *словосочинение* (учение о соединении слов и целых речений), *правоизглашение* (*орфоэпия*), *правописание* (учение, содержащее в себе правила составления слов из букв, разделения слова на составляющие его части и употребления разделительных знаков).

В конце XVIII - начале XIX вв. в грамматических трудах русских языковедов находили отражение идеи всеобщей, или философской, *грамматики*, увлекавшие западноевропейских филологов XVIII века. Официальное признание в России философская *грамматика* получила в начале XIX века. Всеобщая (универсальная) *грамматика* стремилась найти всеобщие законы языка на базе логического определения языковых понятий. С этим связана тенденция к сочетанию или смешению, а иногда и к отождествлению логических и грамматических категорий.

Принципы философской *грамматики* наиболее последовательно были разработаны в «Начертании всеобщей *грамматики* для гимназий Российской империи» Л. Г. Якоба (1812). Книга была признана официальным учебником. В «Начертании всеобщей *грамматики*...» Л. Г. Якоб поставил немало новых для XIX в. вопросов. К их числу относятся: знаковая природа языка, разграничение языка и речи, взаимоотношение языка и мышления, определение задач общего и сравнительного языкознания и др. Л. Г. Якоб впервые в русском языкознании дает определение языка через понятие знака, понимая под языком «каждую систему таких знаков, которые можно по произволу употреблять для сообщения мыслей» [Якоб, с. 3]. Только через сто лет знаменитый лингвист Ф. де Соссюр также определил язык как систему знаков, выражающую идеи.

Л. Г. Якоб выделил *сравнительную* и *всеобщую грамматику* (*всеобщее языкознание*). Предметом *сравнительной грамматики* является сравнение языков, *всеобщая грамматика* изучает языки вообще. В составе последней Якоб выделил *руководство к грамматике* (*всеобщая теория частей речи*) и *грамматическое методоучение* (*всеобщий синтаксис*).

Традиции философской *грамматики* были продолжены Н. И. Гречем в работе «Пространная русская

грамматика» (1827). Н. И. Греч установил тесную связь между логикой как наукой о законах мышления и грамматикой как наукой выражения мыслей. Целью грамматики, по мнению Греча, является разработка правил составления слов и их сочетания с другими словами. Греч указал на *всеобщую грамматику*, содержащую общие правила употребления языка и *частную грамматику*, содержащую правила употребления конкретного языка.

А. Х. Востоков определил *грамматику* как руководство по употреблению слов в устной и письменной речи. Выдающийся лингвист в грамматике выделил 4 раздела (части): 1) *словопроизведение (этимология)*; 2) *словосочинение (синтаксис)*; 3) *правописание (орфография)* и 4) *слогодударение (просодия)*.

Интересно, что В. Г. Белинский рассматривал *грамматику* как науку о слове и языке и выделил две ее основные части - *аналитическую (этимология, словопроизведение)* и *синтетическую (синтаксис, словосочинение)*. Аналитическая грамматика рассматривает отдельное слово с точки зрения его происхождения, изменения и значения и включает в себя *общую и частную этимологию*. *Синтетическая грамматика* содержит правила соединения слов.

Одной из последних попыток обновить в русском языкознании положения всеобщей грамматики является книга И. И. Давыдова «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1852). Эта грамматика построена в соответствии с принципами немецкого языковеда К. Беккера, который в своей работе «Организм языка» (1825) соединил грамматику, философию языка с логикой. В России логико-грамматические идеи К. Беккера получили довольно широкое распространение. В книге И. И. Давыдова получает окончательное закрепление положение о связи логической грамматики со сравнительной, поскольку частные особенности, свойственные конкретному языку, объясняются с помощью сравнительного языкознания.

По мнению И. И. Давыдова, *грамматика* - это учение об образовании слов и предложений. Отсюда разделение грамматики на *словопроизведение (этимологию)* и *словосочинение (синтаксис)*.

Кроме того, И. И. Давыдов выделил *общую и частную грамматику*. «...Грамматика объясняет, как развивается врожденная человеку способность выражаться в членораздельных звуках. Изследование этого явления вообще в человеке составляет предмет Общей Грамматики; изследование особенностей дара слова в одном каком-либо народе - есть предмет Грамматики Частной» [Давыдов, с. 20].

Развитие формально-грамматического направления в русской лингвистической науке связано с трудами К. С. Аксакова. Он выступал против уподобления русской грамматики всеобщей, универсальной, против отождествления грамматических категорий и логических. К. С. Аксаков определил *грамматику* как науку, изучающую формы слова, их изменение и влияние друг на друга в составе предложения. В составе грамматики Аксаков выделил два раздела - *аналитику (объективная грамматика, словопроизводная филология)* и *синтаксис (субъективную грамматику)*.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский в составе грамматики, помимо морфологии и этимологии, выделил новый раздел - *фонетику*.

Таким образом, к основным лексико-семантическим особенностям в сфере русской лингвистической терминологии в период становления можно отнести широкое распространение синонимии, обусловленной влиянием классических грамматик на учение о языке, с одной стороны, процессом демократизации языка, - с другой. Кроме этого, синонимия в области лингвистической терминологии была обусловлена стремлением к созданию более мотивированных терминов.

Достаточно широкое распространение в области лингвистической терминологии получила амбисемия. Причина амбисемии значительной части русских терминологических обозначений второй половины XVIII - начала XX вв. заключается в формировании в этот период многих грамматических понятий, их малоизученности, рассмотрении понятий с разных точек зрения. В грамматиках отечественных лингвистов представлены различные точки зрения, позиции, подходы к пониманию грамматических терминов. Нередко в работах филологов один и тот же термин имеет диаметрально противоположные толкования.

Гораздо меньшее распространение имели многозначность и омонимия терминов. К основным причинам возникновения этих особенностей можно отнести влияние классических грамматик, столкнувшихся с национальной традицией, малая разработанность многих грамматических понятий и достаточно четкое различение этих понятий.

Список литературы

- Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. М., 1860. 176 с.
 Ахманова О. С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
 Барсов А. А. Российская грамматика. М., 1981. 386 с.
 Березин Ф. М. История русского языкознания. М., 1979. 223 с.
 Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Казань, 1909. 460 с.
 Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М., 1963. Т. 1. 384 с.; Т. 2. 391 с.
 Булич С. К. Очерки языкознания в России. СПб., 1904.
 Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. М., 1959.
 Востоков А. Х. Сокращенная Российская грамматика. СПб.: Департамент народного просвещения, 1871. 186 с.
 Греч Н. И. Пространная русская грамматика. М., 1830.
 Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. М., 1852.
 Колесов В. В. К истории русской грамматической терминологии. Звук // Теория языка. Методы его исследования и пре-

подавания. Л., 1981.

Колесов В. В. Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи Средневековья // История лингвистических учений: позднее Средневековье. СПб.: Наука, 1991. 263 с.

Крушевский Н. В. Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. Имп. Казан. ун-та. Казань, 1883. Т. XIX. 148 с.

Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958. 76 с.

Курганов Н. Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного ученого и полезнозабавного вещесловия. СПб., 1790.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л., 1950-1959. Т. 7. 995 с.

Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984. 158 с.

Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской Империи, сочиненное Лудвигом Генрихом Якобом, коллежским советником и кавалером. СПб., 1811.

Овсянко-Куликовский Д. Н. Грамматика русского языка: руководство для средней школы и для самообразования. М., 1908. 176 с.

Павский Г. П. Филологические наблюдения над строем русского языка. СПб., 1850.

Перевлесский П. М. Начертание русского синтаксиса. М., 1848. Изд. 2.

Половцов В. Русская грамматика для русских, печатанная по высочайшему соизволению. СПб., 1842.

Потебня А. А. Мысль и язык. М., 1993. 248 с.

Светов В. П. Опыт нового российского правописания. СПб., 1773.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. М.: Книга, 1989. Т. 2. Ч. 2. 1802 с.

Трифонов Р. М. Истоки русской грамматической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1967. 17 с.

Фортунов Ф. Ф. Избранные труды: в 2 т. М., 1956. Т. 1. 450 с.

Щеулин В. В., Медведева В. И. Хрестоматия по истории грамматических учений России. М.: Высшая школа, 1965.

ABOUT SOME FEATURES OF THE RUSSIAN LINGUISTIC TERMINOLOGY (THE END OF THE XVIIITH - THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES)

Kolesnikova Elena Aleksandrovna

Department of the Russian Language
Institute of Philology and Language Communication
Siberian Federal University
lena_kolesnikova@list.ru

Abstract. The article is devoted to the scantily studied period of the development of the Russian grammatical terminology. In the work the system relations in the sphere of the Russian linguistic terminology and also the reasons of their occurrence are considered.

Key words and phrases: linguistic terminology; synonymy; polysemy; homonymy; ambisemy in the sphere of the Russian linguistic terminology.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЁН В «НАЗИРАТЕЛЕ» (XVI В.)

Копосов Даниил Робертович

Кафедра истории русского языка и языкознания
Казанский государственный университет
dandocs@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается функционирование маркированных по стилю суффиксальных производных имён при создании текстовых формул в тексте «Книги глаголемой Назиратель» XVI века как иллюстрация к формированию современной стилистической системы русского языка.

Ключевые слова и фразы: жанр; стиль; маркированность; текстовая формула; суффикс.

В нескольких работах 2009 года мы уже указывали, что в Назирателе отмечено общее количество словоупотреблений с суффиксами церковно-книжного характера - 499, нейтрального - 152, то есть соотношение словообразовательно производных имён, ассоциированных с церковно-книжными жанрами, к числу имён с немаркированными суффиксами составляет 3:1. Судя только по этому отношению, мы должны были бы сказать, что это текст церковного характера. При этом для передачи словообразовательных значений отвлеченного действия и отвлеченного признака в Назирателе используются в основном производные четырёх типов: на -*ость*, -(н/т)*ие*, -*ство* и образования нулевой суффиксации, а при наличии словообразовательной синонимии в большинстве случаев предпочитается вариант с маркированным суффиксом. Это также наводит на мысль о некоей связи текста с церковно-книжной традицией.

Однако церковно-книжная природа моделей на -*ость*, -*ствие*, -*ние*, -*ство* и др. именного словообразова-